

Юй Чэн хранил угрюмое молчание.

Лу Фэй криво косился на него единственным уцелевшим глазом. Из пустой глазницы по бледному лицу безостановочно текла черная, густая кровь, тягуче капая на паркет.

— Если это не совпадение, а чей-то тонкий расчет, то какова была цель? — продолжил Ло Кэ. — Очевидно: убийца хотел, чтобы тело Е Муцин нашли именно ночью. Но к чему спешка? Почему нельзя было дожидаться рассвета? — Он перевел взгляд на Юй Чэна, и его голос сделался жестче. — Только по одной причине: ему нельзя было терять ни минуты. Тот, кто первым обнаружит труп посреди ночи, получит идеальную возможность войти в кабинет и забрать улики до того, как нагрянет полиция или сбегутся домочадцы.

Юй Чэн лишь холодно усмехнулся, не проронив ни слова.

— Фань Цзюньни, когда принесла молоко, саму Е Муцин не видела, — продолжал Ло Кэ. — Она лишь слышала ее голос из-за закрытой двери. Та якобы сказала: «Не беспокойте меня, я хочу побыть одна». Но подумай сам: Е Муцин не собиралась пить никакое молоко. Зачем же ты тогда так настойчиво просил Фань Цзюньни отнести его? Только ради одного: чтобы подтвердить, будто в момент твоего ухода из кабинета мачеха была еще жива. Но что, если к тому времени ее уже не было в живых? Тогда за дверью говорил кто-то другой.

— Если не она, то кто? Призрак, что ли? — фыркнул Юй Чэн.

— Не стоит быть таким уверенным, что призраков не существует, — лениво и мягко улыбнулся Ло Кэ. — Впрочем, потусторонние силы тут ни при чем. Достаточно было включить обычный плеер или самый дешевый диктофон с записью ее голоса.

— Чушь! — раздраженно выкрикнул Юй Чэн. — С какой стати мне это делать?!

— Полно горячиться, я еще не закончил, — осадил его Ло Кэ. — Я в деталях расспросил слуг о том, что подавали на ужин в тот вечер. Была тушеная свинина, которую так любит твой отец. А когда ты вышел из кабинета, то собственноручно приготовил ему чашку теплого отвара из корня кудзу. Сам по себе кудзу безвреден. Но посреди ночи у твоего отца скрутило живот. И у меня закралось подозрение: не подмешал ли ты туда водяной орех? Видишь ли, свинина в сочетании с водяным орехом неизбежно вызывает острую резь в желудке. А если растереть орех в порошок и смешать с кудзу, подмену никто не заметит.

— Зачем мне травить собственного отца?! — в ярости процедил Юй Чэн.

— Ты и не собирался его убивать, — размеренно произнес Ло Кэ. — Тебе просто нужен был благовидный, железный предлог, чтобы посреди ночи оказаться у дверей кабинета и «обнаружить» тело Е Муцин. Суди сам: Фань Цзюньни видит, что дверь закрыта, а твоему отцу внезапно становится плохо. К кому она побежит за помощью? Разумеется, к тебе, старшему сыну. Ведь Е Си тогда был еще совсем ребенком. Так ты получил законное право первым войти

на место преступления и забрать то, что оставил, — диктофон. Схема сработала безупречно. Ты создал иллюзию, будто Е Муцин была жива после твоего ухода, отвел от себя любые подозрения, а заодно оставил следы на подоконнике, чтобы полиция решила, будто убийца залез через окно.

— Все это бред собачий! — выплюнул Юй Чэн.

— Сам знаешь, бред это или правда, Чэн-гэ. Если я всё правильно понял, Лу Фэй тогда сбежал из-под стражи и пробрался в твой дом только ради одного — найти доказательства своей невиновности. Не знаю, покрывали ли тебя твой отец и Юй Цзыпэн сознательно или это была трагическая случайность, но итог один: Лу Фэй погиб без вины. Теперь его дух вернулся. Он убил Фань Цзюньни и Юй Юня не только из мести, но и ради того, чтобы насытиться их предсмертным страхом и темной энергией. Чем больше жизней он забирает, тем сильнее и свирепее становится. И следующей его жертвой станет твой младший брат, Е Си. Если тебе плевать на его жизнь — что ж, продолжай всё отрицать.

Юй Чэн стиснул зубы. Его лицо сделалось землисто-серым, но он не проронил ни звука.

— С того дня прошло два года. Прямых улик против тебя уже не найти. Но помни: за всё в этой жизни приходится платить. Свои долги ты волен оплатить сам. Либо позволь родному брату сделать это вместо тебя. Выбор за тобой.

Ло Кэ не стал дожидаться ответа. Он резко щелкнул пальцами, и призрачный силуэт Юй Чэна мгновенно растаял в воздухе.

Покончив с этим, Ло Кэ повернулся к призраку Лу Фэя:

— Правда раскрыта. Ты действительно пострадал без вины. Позволь мне упокоить твою душу и отправить тебя на перерождение.

Лу Фэй оскалился в уродливой гримасе:

— Я давно знал, что у Юй Чэна и госпожи была порочная связь. Потом у него появилась другая, и он попытался избавиться от любовницы, но та вцепилась в него мертвой хваткой и не желала отпускать. Когда ее убили, я сразу понял, чьих это рук дело. Пошел к хозяину, хотел открыть ему глаза, но этот старый дурак даже слушать меня не стал! Натравил на меня Юй Цзыпэна... Меня забили насмерть, как собаку! Разве я не имею права на месть?!

— Теперь твоя невиновность доказана, — мягко произнес Ло Кэ. — Твой дух может упокоиться с миром.

— Быть свирепым демоном куда веселее, чем жалким человеком! Зачем мне ваше перерождение? — презрительно сплюнул Лу Фэй.

— Неужели ты хочешь, чтобы я стер тебя в порошок и лишил всякого шанса на спасение? — ледяным тоном предостерег его Ло Кэ.

— Ты? Меня? — Лу Фэй зашелся безумным хохотом.

Он яростно взревел. Ткань на его груди с треском лопнула, обнажив уродливый, содрогающийся бутон плотоядного цветка. Кроваво-красные лепестки затрепетали, и тварь ринулась на Ло Кэ.

— Я же предупреждал тебя: не лезь не в свое дело! Твоя жизнь принадлежит мне!

Ло Кэ увернулся, совершив изящное сальто назад, и легко приземлился на ноги. Его подошвы мгновенно вычертили на полу узор созвездия Большой Медведицы. Вскинув руку, он выкрикнул заклинание:

— Треножник Семи Смертных Казней для Изгнания Зла, явись!

Раздался тяжелый, скрежещущий гул. Мраморные плиты пола разошлись, и из глубин земли медленно поднялся массивный четырехногий бронзовый сосуд, тускло мерцающий в полумраке зловещим желтоватым светом. Его бока обвивали рельефные тела двух извивающихся драконов. Их свирепые, оскаленные морды служили ручками треножника, и каждый дракон держал в пасти по окровавленной человеческой голове.

— Явился в дом семьи Ло и надеешься уйти безнаказанным? — Ло Кэ хищно прищурился. — Невиданная наглость для бродячего мертвеца!

Он рванулся вперед, нанося сокрушительный удар ногой с разворота. Лу Фэй уклонился, его руки неестественно удлиннились, извиваясь подобно змеям, и мертвой хваткой сомкнулись на горле юноши.

Ло Кэ резко полоснул ладонью по его рукам, словно клинком, но плоть мертвеца оказалась твердой как закаленная сталь. Ладонь Ло Кэ лишь болезненно онемела от удара.

Кольцо на шее Ло Кэ сжималось все сильнее, перекрывая кислород. Хрипя и задыхаясь, он с трудом выдавил из себя:

— Бабушка!

Но старуха даже бровью не повела, продолжая невозмутимо пить свой чай маленькими глотками.

Ло Кэ стиснул зубы. Собрав остатки сил, он нанес мощный удар в грудь Лу Фэя. Однако

плотоядный цветок на его груди изогнулся и с глухим чавканьем заглотил левую ступню юноши.

Ло Кэ почувствовал, как непреодолимая сила затягивает его ногу, а вслед за ней и все тело, в прожорливую пасть монстра. Не теряя секунд, он резко крутанулся на одной ноге и со всей силы ударил пяткой по острым, как бритвы, клыкам цветка.

Этот удар, в который Ло Кэ вложил всю свою духовную силу, выбил добрый десяток костяных игл. Но тварь не ведала боли. Лишь сильнее сомкнула челюсти, глубже заглатывая добычу.

Сознание Ло Кэ начало меркнуть от удушья, силы стремительно покидали его. Понимая, что грубой силой из захвата не вырваться, он пошел на крайность: резко вскинул руку и вонзил пальцы прямо в единственную уцелевшую глазницу мертвеца. Вырвав склизкое глазное яблоко, он широким замахом швырнул его прямо в зев Треножника Семи Смертных Казней для Изгнания Зла.

Упади глаз на пол, Лу Фэй бы и не заметил. Но в священном пламени древнего артефакта любая часть его сущности была обречена на мгновенное испепеление.

Взрыв от ужаса, Лу Фэй разжал руки и инстинктивно бросился ловить свою ускользающую искру жизни.

Поймав момент, когда мертвец завис прямо над пылающим жерлом, Ло Кэ с разворота впечатал подошву ему в спину. Лу Фэй с глухим стуком рухнул на дно котла, откуда мгновенно повалил густой едкий дым.

Ло Кэ тут же выхватил из рукава священный талисман и выкрикнул:

— Во имя справедливости и очищения мира, взываю к силе священного треножника!

Желтая бумажная полоска взмыла вверх, вспыхнула ярко-синим пламенем и канула в бездну сосуда.

Из недр треножника раздался истошный, леденящий душу вопль. Не теряя времени, Ло Кэ швырнул туда второе заклинание. Крики сделались невыносимыми, содрогая стены дома.

Ло Кэ тяжело выдохнул, отирая пот со лба. Но стоило ему сделать шаг к бронзовому сосуду, как из кипящего марева внезапно высунулась обглоданная, дымящаяся костяная рука.

Из глубины котла донесся глухой, свистящий смех Лу Фэя, многократно отразившийся от бронзовых стенок:

— Настанет Эпоха Великого Процветания, случится Парад Семи Звезд. Бессмертный укажет путь, и Владыка демонов восстанет ото сна. Изменится лик небес и земли, и мир возродится вновь.

— О чем ты говоришь?! — нахмурился Ло Кэ.

Но ответом ему был лишь тихий, затухающий хрип. Костяные пальцы безвольно скользнули обратно в котел. На дне его раздался сухой треск сгорающих костей.

Ло Кэ заглянул внутрь: там клубился серый пепел. Спустя мгновение легкое облачко пыли поднялось над треножником и бесследно растаяло в воздухе.

— Бабушка, что за бред он нес перед смертью? — Ло Кэ повернулся к старухе.

— Парад Семи Звезд... Бессмертный укажет путь, и Владыка демонов восстанет... — тихо повторила бабушка Ло, скорбно качая головой. — Похоже, этот день действительно близок.

— Бабушка!

— Всему свое время, дитя, скоро сам всё поймешь, — ее голос вновь обрел прежнюю ледяную строгость. Она отставила пиалу. — Сейчас не время для пустых разговоров. Нужно закончить начатое и избавить мир от скверны. Редко встретишь существо, застрявшее между миром живых и мертвых. Ступай и вырежи сердце Е Си. Оно послужит идеальной основой для пилюли бессмертия.

Ло Кэ застыл, не двигаясь с места.

— Чего ты ждешь, Коэр? — строго спросила старуха. — Он не человек. Его необходимо уничтожить.

— Но он никому не причинил зла... — тихо возразил юноша.

Глаза бабушки Ло блеснули, словно лезвия клинков:

— Твари иного мира несут лишь проклятие. В них сосредоточены все бедствия земли: нищета, горе, тлен, позор, жестокость и смерть. Даже если он не желает зла, сама его аура разрушает судьбы тех, кто рядом. Его семья, его друзья, все, кто посмеет приблизиться к нему, обречены на скорую и мучительную гибель. Твоя жалость сегодня обернется трагедией для сотен невинных завтра.

Ло Кэ молчал.

— Ты с малых лет изучаешь тайные искусства, — смягчив тон, продолжила она. — И должен твердо помнить: свет и тьма не уживутся вместе, живым и мертвым не ходить по одной тропе. Зло должно быть искоренено до последнего ростка. Он — не просто призрак. Оставлять его в живых — безумие.

Ло Кэ ничего не ответил. Повесив голову, он медленно вышел из комнаты.

Бабушка Ло некоторое время сидела в глубокой задумчивости. Она поднесла пиалу к губам, но чай давно остыл.

Бросив взгляд на настенные часы, она отставила посуду, взяла пульт и включила телевизор в углу гостиной.

С экрана донесся взволнованный голос ведущей новостей:

«... Сегодня в 18:50 пассажирский поезд номер 3185, следовавший из города Б в Цзянчжоу, сошел с рельсов в тринадцати километрах от станции отправления и рухнул в реку Фуцью. Выживших на данный момент не обнаружено. По предварительным данным, все семьсот шестьдесят два пассажира погибли...»

Старуха едва заметно, загадочно усмехнулась.

Так вот почему призрак Фань Цзюньни до последнего удерживал Е Си от этой поездки. Даже став безвольной марионеткой в руках повелителя демонов, она умудрилась сохранить крупницы человеческой памяти и привязанности.

Жаль только, что это ненадолго.

Потусторонняя сущность неизбежно поглотит остатки ее души, не оставив и следа от прежних чувств.

Старуха прикрыла глаза, словно прислушиваясь к тишине и чего-то ожидая.

Мерно стучал маятник часов. Время тянулось томительно медленно.

Минуло минут пятнадцать, когда голос диктора в телевизоре сорвался на испуганный крик:

«Срочные новости! Согласно неподтвержденным данным, популярный актер и музыкант Юй Чэн только что покончил с собой, выбросившись из окна собственной квартиры...»

Когда Ло Кэ вошел в гостевую спальню, Е Си спал глубоким, тяжелым сном.

В окно лился призрачный, мертвенно-бледный лунный свет. На подушке беспокойно метался юноша, его лоб прорезала глубокая складка — даже в забытьи покой не шел к нему.

Он еще не знал, что его единственный любимый брат только что покинул этот мир.

И не догадывался, что его собственный путь в земной юдоли тоже подошел к концу.

Тот старый буддийский монах с горы Путо не лгал. Существо без человеческой души и жизненной искры не может считаться человеком. Это лишь опасное порождение тьмы, которому не место среди живых.

Ло Кэ медленно откинул край одеяла. Он долго смотрел на спящего юношу, на то, как мерно вздымается его грудь под тонкой белой пижамой.

Затем Ло Кэ повернул кисть. На его пальцах заплесало холодное, бледно-синее пламя. Рука его, всегда твердая и безжалостная к нечисти, почему-то мелко дрожала.

Сжав зубы, он занес ладонь над сердцем Е Си...

<http://bllate.org/book/18180/1753307>